

Под нежным, пристальным взглядом Бай Цзяня Сы Юэ развернулся и бросился наутек.

Если бы он даже сейчас ничего не понял, то можно считать, что все свои восемнадцать лет он прожил зря.

Хоть он и не смотрел в зеркало, но точно знал, что его лицо сейчас красное как помидор, того и гляди взорвется.

Подушечки пальцев и ладонь, которые только что касались чешуи за ухом Бай Цзяня, словно обожгло огнем — и это при том, что температура тела тритона была такой низкой, а сама чешуя — такой твердой.

Снаружи не пробивалось ни лучика света, и в комнате Сы Юэ царил кромешный мрак. Поднеся руку к глазам, он мог различить лишь смутные очертания пяти пальцев.

Он что, правда только что потрогал рыбку чешую за ухом Бай Цзяня?

Правда потрогал?!

Когда у тритонов за ушами появляется чешуя, это означает, что они испытывают трепет влюбленности.

Значит, Бай Цзянь... испытывает к нему трепет? Округляя, можно сказать, что он ему нравится. Но, по правде говоря, Сы Юэ куда больше устраивал именно такой — грубый, прямой биологический ответ. В конце концов, слова любви можно просто сказать, а нежные поступки — всего лишь сыграть. Вероятность притворства всегда существует.

Но специфические биологические реакции обмануть невозможно. Это самая подлинная, не поддающаяся фальсификации истина.

Сы Юэ проворочался в постели до глубокой ночи, прежде чем наконец уснул.

Солнце разогнало легкую дымку, которая висела над Цинбэем добрых полмесяца. Небо всё еще оставалось свинцово-серым, но воздух стал куда свежее, чем в прошлые дни.

Вчера ночью Сы Юэ влетел в комнату, бросился на кровать и совершенно забыл задернуть шторы на панорамных окнах. Когда он проснулся, солнце уже успело нагреть небольшой участок ковра возле окна.

Ландыши на балконе даже слегка поникли под его лучами.

Одуревший от сна Сы Юэ нащупал телефон и глянул на время — начало первого.

Еще рано, можно поспать еще немного.

Но стоило его глазам наполовину закрыться, как телефон, который он так и не выпустил из рук, завибрировал.

Пришло сообщение от Цзян Юня в WeChat — напоминание о приглашении на круизную вечеринку, которое тот скидывал ему ранее. Отправление было назначено на сегодня в три часа дня.

Вспомнив, что он едет туда вместе с Бай Цзянем, Сы Юэ мгновенно проснулся.

Он откинул одеяло, сел, прислонившись к спинке кровати, и написал Бай Цзяню:

[Ты тут? Ты тут? Ты тут? Ты тут? Ты тут? Ты тут?]

Он изо всех сил пытался сделать вид, что ничего не произошло. Вряд ли Бай Цзянь что-то заметит, актерские навыки у Сы Юэ всегда были на высоте.

Бай Цзянь ответил не сразу.

К тому моменту, когда пришло сообщение, Сы Юэ уже стоял перед шкафом, раздумывая, что бы такого надеть на вечеринку.

Вся его одежда была в стиле кэжуал. Единственный официальный костюм, подаренный Бай Цзянем, был разорван хвостовым плавником тритона во время прошлого полнолуния.

[Бай Цзянь: Что случилось?]

Сы Юэ выудил телефон из-под одеяла.

[Мы ведь сегодня едем на круиз?]

[Бай Цзянь: Да, я жду тебя.]

Сы Юэ всё еще не до конца отошел от вчерашнего. При виде этих нескольких простых слов перед его мысленным взором вновь возник вчерашний взгляд Бай Цзяня.

Ответив коротко: [Я сейчас спущусь], Сы Юэ отбросил телефон.

Бросив взгляд на солнечный свет, падающий на пол, он выбрал тонкую футболку и тренч. Вообще-то, Сы Юэ не особо жаловал этот пафосный стиль, к тому же ткань большинства тренчей легко мнётся, а таскать с собой утюг — идея так себе.

Но Вэнь Хэ такие вещи нравились. Это она закинула тренч ему в чемодан со словами, что он уже не ребенок и иногда должен одеваться солидно.

В такие моменты Сы Юэ думал, что просто обожает Вэнь Хэ.

Она всегда всё предвидела.

Тренч был темно-синего цвета — оттенка, который отлично подчеркивал бледность кожи. И пусть ткань всё еще была из тех, что легко мнутся, сидел он на нем безупречно: строгие линии, холодная и отстраненная элегантность.

Сы Юэ и без того производил впечатление красивого, но неприступного парня, а приодевшись, стал казаться еще более недосягаемым.

Собравшись и сунув телефон в карман, он торопливо сбежал по лестнице.

Бай Цзянь пил чай в гостиной. Яркие лучи солнца заливали комнату, словно перекрашивая ее в золотой цвет. Отполированные до блеска вазы и золотые статуэтки на полках отбрасывали слепящие блики.

Всё вокруг казалось еще более роскошным, словно пол посыпали золотым песком.

Даже картина с изображением тритона в полнолуние на лестничной площадке теперь выглядела живой и нежной, утратив свою мрачность — солнечный свет обрисовал золотой ореол вокруг полной луны.

Сы Юэ ничего не смыслил в чае. И даже прожив с Бай Цзянем столько времени, всё еще ничего в нем не смыслил.

Но он точно знал, что этот аромат в гостиной — запах дорогого чая.

Бай Лу, одетый в крошечный костюм-тройку, блестящие кожаные туфли и с галстуком-бабочкой, держал в руках белую фарфоровую чашку и с самым серьезным видом делал маленькие глоточки.

— Фууух~ — выдохнул Бай Лу и с надеждой посмотрел на дядю Чэня. — А можно долить туда немного колы?

Дядя Чэнь лишь рассмеялся, ничего не ответив.

Звук шагов спускающегося Сы Юэ привлек их внимание. Бай Цзянь поднял глаза последним. За клубами пара, поднимающимися над чайником, его утонченные черты лица казались невероятно мягкими. Встретившись с ним взглядом, Сы Юэ запнулся на полушаге, а его сердце пропустило пару ударов.

Он вспомнил слова Чэн Цзюэ и то, что видел сам. Чэн Цзюэ говорил, что когда тритоны смущаются, за их ушами тоже появляется чешуя, разница лишь в количестве. Иногда это одна чешуйка, иногда две-три. Чем сильнее эмоции выходят из-под контроля, тем больше чешуек проявляется.

Сейчас Сы Юэ был чертовски рад, что родился человеком. Максимум, что ему грозило — это красное лицо и уши. Будь он тритоном, у него бы сейчас не только чешуя за ушами вылезла, но и ушные плавники, и хвост — всё бы наружу вывалилось.

— А-Юэ, тебе очень идет этот стиль! — глаза Бай Лу так и сияли. Он повернулся к дяде Чэню за поддержкой: — Дядя Чэнь, скажи же?

На этот раз дядя Чэнь не промолчал:

— Молодой господин А-Юэ выглядит очень статно.

Бай Цзянь заговорил последним. Он аккуратно положил чайную ложечку на блюдце и неспешно произнес:

— Очень красиво.

Вот они, преимущества хорошей внешности.

Прибавьте к этому харизму и отличную фигуру — и человек будет смотреться выигрышно в чем угодно. Ему пойдет одежда абсолютно любого стиля.

Это Сы Юэ украшал одежду, а не она его. Он органично смотрелся в любом образе, без малейшего диссонанса.

Тренчи — одежда капризная. Они требуют прямой осанки, красивого лица, хороших пропорций и узкой талии, чтобы при завязанном поясе казалось, что человека можно обхватить одной рукой.

Сы Юэ был студентом, в самом расцвете юности. С детства окруженный всеобщим вниманием, он каждым своим жестом излучал легкую, естественную надменность.

Сы Юэ заметил, что в семье Бай все просто обожают делать комплименты.

Он смущенно почесал ухо:

— Мы уже выезжаем? — в другой руке он сжимал запонку. После вчерашнего он выкинул коробочку, и теперь в его кулаке лежал лишь сам подарок. Бриллиант ощутимо впивался в ладонь.

Услышав, что пора ехать, Бай Лу тут же вскочил:

— Поехали-поехали! Погнали! Наконец-то мы едем! А-Юэ, хочешь покататься на лошадке? Я с тобой поиграю! — тараторил он, убегая к двери. Было видно, что он в полном восторге.

Он почти никогда не ездил развлекаться со старшим братом, а теперь с ними ехал еще и Сы Юэ — просто идеальный расклад. Конечно, Бай Лу взяли с собой за компанию, и хотя это мероприятие позиционировалось как «совместный отдых для элиты Цинбэя», все прекрасно понимали: это всё тот же коммерческий прием. Разговоры о том, что «мы тут не о делах», заканчивались ровно в тот момент, когда встречались люди, желающие эти дела обсудить.

Все знали, что глава семьи Бай, стотридцатисемилетний Бай Цзянь, крайне редко посещает подобные светские рауты. Даже информации о нем в интернете было с гулькин нос — какие-то жалкие обрывки. Бай Цзянь славился своей нелюбовью к публичности, и все старались тактично его не беспокоить.

Но на этот раз организаторами выступали три компании, и одной из них руководил Чэн Е. А то, что Чэн Е и Бай Цзянь — хорошие друзья, тоже ни для кого не было секретом. Поэтому, когда прошел слух, что Бай Цзянь принял приглашение, представители других цинбэйских компаний чуть не перегрызли друг другу глотки в битве за заветные билеты.

Все думали, что Бай Цзянь согласился исключительно из уважения к старому другу. Однако Чэн Е в тот же день узнал: Бай Цзянь пошел туда только потому, что туда захотел пойти Сы Юэ.

Тогда-то Чэн Е и понял: какой, к черту, договорной брак? Бред собачий! И зачем он вообще поверил в этот бред, который Бай Цзянь так небрежно бросил ему в прошлый раз, будучи слегка подшофе? С каких это пор семье Бай нужны договорные браки для укрепления своих позиций?

«Гимн океана» — роскошный круизный лайнер, созданный богачами Цинбэя исключительно для развлечений. Судно длиной более ста пятидесяти метров было под завязку набито всевозможными увеселениями: здесь было всё, что только можно себе представить, и даже то, что представить сложно.

На «Гимне океана» был даже банджи-джампинг. Никаких отличий от наземного, кроме того, что прыгать приходилось с палубы прямо в море.

Они даже умудрились запихнуть на корабль настоящий театр. Судя по программе в приглашении, организаторы пригласили танцевальную труппу Большого театра Цинбэя.

Погода в Цинбэе в этот день стояла на редкость хорошая — такое случалось нечасто.

Они поднялись на борт по VIP-проходу, следуя за стюардом.

Сы Юэ молча шел рядом с Бай Цзянем, погруженный в свои мысли.

Зато Бай Лу, шагая вприпрыжку рядом со стюардом, засыпал того вопросами:

— А зачем тут банджи-джампинг? Здесь много людей отдыхает? Нам, тритонам, для прыжков в воду никакие веревки не нужны!

— О, так ты тоже тритон? А как тебя зовут?

— У тебя такие красивые зеленые глаза!

От таких комплиментов стюард не смог сдержать проступившую за ушами чешую.

Кают на «Гимне океана» было немного. Организаторы отказались от дешевых внутренних кают: гости на корабле собирались сплошь влиятельные и состоятельные. Поэтому, помимо семьи Бай, занявшей люкс с видом на море, остальные гости разместились в стандартных каютах с видом на море.

Они были чуть скромнее люкса, но, узнав, что он зарезервирован для Бай Цзяня, никто и не подумал возмущаться.

Бай Лу провел ключ-картой по замку своей двери, бросил: «До скорого!» и умчался внутрь.

Сы Юэ наблюдал, как стюард открывает дверь другого люкса.

— Господин Бай Цзянь, прошу вас.

Сказав это, он повернулся к Сы Юэ:

— Молодой господин А-Юэ, прошу вас.

Одна комната на двоих?

Сы Юэ чуть было не спросил об этом вслух, но вовремя осекся, наткнувшись на предельно искренний взгляд стюарда.

Они с Бай Цзянем женаты. Естественно, их поселили в одном номере.

— Спасибо.

Сы Юэ вошел вслед за Бай Цзянем.

— Я оставил ключ-карты на консоли. Если что-то понадобится, можете вызвать нас звонком. Желаю господину Бай Цзяню и молодому господину А-Юэ приятного отдыха. — Выдав эту

длинную тираду, стюард закрыл за собой дверь и удалился.

Тихий щелчок замка заставил Сы Юэ вздрогнуть.

Он застыл в прихожей, не решаясь сделать и шага.

На консоли стояла расписная ваза. Просто ваза, без цветов.

Номер ничем не отличался от президентского люкса в отеле, за исключением того, что за панорамными окнами плескалось море. Они были на корабле.

Поверхность воды была гладкой, без малейших волнений.

Судно шло очень плавно. Сы Юэ изо всех сил пытался отвлечься от присутствия Бай Цзяня, но терпел сокрушительное фиаско.

— А-Юэ, может, поговорим?

Бай Цзянь повернулся к нему. Одет он был еще более расслабленно, чем Сы Юэ: тонкий черный свитер подчеркивал его благородство и холодную статью. Однако, глядя на Сы Юэ, он всегда оставался неизменно нежным.

— Иди сюда, присядь. — Он похлопал по дивану рядом с собой.

Сы Юэ медленно подошел и сел напротив Бай Цзяня. Между ними стоял журнальный столик, а на нем — букет красных роз.

— Я всё-таки больше люблю желтые розы, — произнес Сы Юэ, положив обе руки на колени. Его лицо и тон выдавали легкую напряженность.

Взгляд Бай Цзяня медленно скользнул к розам на столе.

— А-Юэ нравятся желтые розы? Я подарю их тебе.

Сы Юэ терпеть не мог ходить вокруг да около.

Он поджал губы, и в холодных глазах юноши мелькнуло упрямство.

— Я тебе нравлюсь.

Возможно, решив, что это прозвучало слишком самоуверенно, он добавил:

— Верно?

Он всё обдумал еще прошлой ночью. Да, у него не было опыта в отношениях, и раньше никто не заставлял его сердце биться чаще. Но ведь он за один год сумел подняться с последних мест в рейтинге до поступления в университет Цинбэй — так что мозги у него были.

Он так нервничал, что их разговор со стороны больше походил на деловые переговоры.

— Мои результаты на вступительных экзаменах были не такими уж выдающимися, а медицинский факультет для тритонов взял всего двух студентов-людей. Одним из них оказался я.

— Мои родители сказали, что ты выбрал меня для договорного брака из-за моей специальности. Но мне кажется, причину и следствие нужно поменять местами: я тебе понравился, поэтому ты сделал так, чтобы медицинский факультет принял меня. А потом ты просто использовал это как удобный и логичный предлог для брака.

Он говорил не спеша, раскладывая всё по полочкам, но если прислушаться, можно было уловить легкую дрожь в его голосе.

— Ты заключил этот брак, потому что я тебе нравлюсь. — Сказав это, он покраснел до самой шеи.

— Да, — Бай Цзянь снял очки, его голос звучал мягко. — Продолжай, А-Юэ. Можешь говорить всё, что у тебя на уме.

— Когда? — Сы Юэ прочистил горло и встретился взглядом с Бай Цзянем. — Когда я начал тебе нравиться?

Глаза Бай Цзяня были того же глубокого синего цвета, что и тренч Сы Юэ.

— В тот день, когда ты чуть не утонул. Тебе было шестнадцать.

Сы Юэ опешил:

— Э-э... почему? — Он совершенно не понимал логики.

Что привлекательного в том, как кто-то тонет?

У Бай Цзяня были весьма специфические вкусы.

В фильмах и сериалах люди влюбляются с первого взгляда, пораженные красотой или милой улыбкой. А тут — влюбился, потому что он тонул? Он что, так круто выглядел, пока захлебывался?

Сы Юэ окончательно запутался.

— У вас, тритонов, какие-то странные вкусы, — пробормотал он.

— Согласен, очень странные, — Бай Цзянь наклонился вперед. Расстояние между ними было небольшим, поэтому ему не составило труда дотянуться до лица Сы Юэ. Юноша не отстранился. В глазах Бай Цзяня плясали смешинки. — И как я только умудрился влюбиться в человеческого детеныша, изрыгающего проклятия на чем свет стоит?

Сы Юэ: «...»

Хоть он и не помнил, что именно орал, пока барахтался в воде, но это явно были не комплименты. Скорее всего, он покрыл матом всё море до восемнадцатого колена.

Он не стал допытываться о причинах. Он был просто потрясен, не в силах поверить в услышанное.

Ведь что в шестнадцать лет, что сейчас — между ним и Бай Цзянем была не только пропасть межвидовых различий, но и непреодолимая бездна в социальном статусе.

— А почему ты тогда ничего не сказал? — Сы Юэ посмотрел на кольцо на своем безымянном пальце. — И к чему тогда этот пятилетний контракт?

— Ты бы сбежал, — легко обронил Бай Цзянь.

Сы Юэ: «...» И ведь не поспоришь, вполне мог бы.

— А сейчас? Почему ты думаешь, что я не сбегу сейчас?

— Ты не захочешь со мной расставаться.

— А если через пять лет я так и не почувствую к тебе ничего подобного? Что тогда?

— Хотя эта гипотеза уже несостоятельна, я готов ответить на твой вопрос, А-Юэ, — несмотря на то, что Сы Юэ был всего лишь восемнадцатилетним мальчишкой, к тому же человеком, Бай Цзянь всегда говорил с ним на равных. — Моя жизнь не имеет конца. Что касается тебя... если ты избежишь болезней и несчастных случаев, то, возможно, доживешь до ста лет. И я бы продлил наш контракт. На пятьдесят лет, на восемьдесят, на сто.

Сы Юэ приоткрыл рот, но лишь спустя несколько секунд смог выдавить:

— Я-то думал, ты великодушно отпустишь меня на поиски собственного счастья, — в конце концов, Бай Цзянь казался таким добрым.

— Это иллюзия, — губы Бай Цзяня изогнулись в улыбке. — Я вовсе не так великодушен.

Сы Юэ снова потерял дар речи.

— О...

— Ну, а теперь твоя очередь, А-Юэ.

— Моя? — Сы Юэ откинулся на спинку дивана и пробурчал: — Это же и ежу понятно. Если бы ты мне не нравился, я бы еще вчера ночью дал дёру.

Бай Цзянь: «...»

Иными словами, если бы Бай Цзянь не был ему симпатичен, Сы Юэ бы в жизни не обратил внимания на все те мелочи в их общении. Ему бы просто было лень об этом думать.

— Вот. — Сы Юэ вытащил из кармана запонку и положил ее на журнальный столик. Бриллиант звякнул о мраморную столешницу. — Я еще вчера хотел тебе отдать, но ситуация... как-то не располагала.

Бай Цзянь взял запонку. Помолчав немного, он поднял глаза на Сы Юэ:

— Спасибо. Мне очень нравится.

— А ты? Ты же говорил, у тебя тоже есть для меня подарок.

Бай Цзянь протянул ему браслет. Черный, с вплетенной белой нитью, он выглядел изящно и утонченно.

Тут в голове у Сы Юэ наконец-то щелкнуло.

— Твои волосы? — удивленно спросил он.

Бай Цзянь тихо рассмеялся:

— Догадался?

Вплетенная белая прядь была мягче черных нитей и отливала слабым серебристым блеском.

Сы Юэ вспомнил слова Бай Лу: волосы тритонов не выпадают сами по себе, даже в старости или после смерти. Их можно только отрезать или вырвать с корнем.

— Это... можно мне?

— В прошлый раз ты просил у меня чешую, но я подумал, что ее неудобно носить с собой. Поэтому сделал это для тебя. Будешь носить на руке.

— Боишься, что я кому-то еще приглянусь?

Бай Цзянь с трудом сдержал улыбку:

— Какой ты сегодня догадливый.

— Я всегда был умным, — пробормотал Сы Юэ.

Он попытался застегнуть браслет одной рукой, но ничего не выходило. Он уже начал злиться и потеть от усердия.

Он даже не заметил, как Бай Цзянь встал и оказался рядом.

Сы Юэ вздрогнул от неожиданности.

— Я помогу, — Бай Цзянь опустил глаза и без малейших усилий защелкнул замочек на браслете. Но запястье Сы Юэ не отпустил.

Сы Юэ дернул рукой, но безуспешно.

Бай Цзянь поднял на него взгляд.

Сы Юэ на мгновение забыл, что нужно вырваться. Под этим взглядом он почувствовал себя пригвожденным к месту, даже моргать разучился.

— Почему ты так на меня смотришь? — стоило Сы Юэ открыть рот, как он сам испугался собственного хриплого голоса.

Он ожидал услышать что-то вроде «Любуюсь тобой» или «А что, нельзя?», и уже приготовился огрызнуться в ответ. Но пока он судорожно соображал, что сказать и сделать дальше, холодные пальцы Бай Цзяня легли ему на подбородок.

А в следующее мгновение глаза Бай Цзяня оказались совсем близко, и его губы накрыли губы Сы Юэ.

Губы тритона оказались прохладными.

Сы Юэ, не имея ни малейшего опыта, затаил дыхание.

Дело было не только в отсутствии опыта. Он вообще не представлял, что они должны делать после того, как во всем друг другу признались.

Он в панике попытался отстраниться, но пальцы Бай Цзяня слегка сжались на его подбородке. Сы Юэ не только не смог отступить, но и был вынужден приоткрыть рот.

Слюна тритона тоже была прохладной.

Глаза Сы Юэ постепенно затуманились влагой. Пальцы Бай Цзяня переместились с подбородка на щеку, а затем на ухо.

Сы Юэ дрожал.

Он прикрыл глаза. Бай Цзянь смотрел на него. Его черные как смоль глаза казались бездонными, словно в них плескался целый океан.

Юный Сы Юэ не имел ни единого шанса в этом поцелуе. Бай Цзянь взял инициативу в свои руки, и отпустил его только тогда, когда сам того пожелал.

Губы Сы Юэ сейчас были ярче роз на журнальном столике.

Он понятия не имел, куда деть глаза.

Бай Цзянь взял его за руку и поочередно перебрал каждый палец. Вспомнив о том, в каких они теперь отношениях, Сы Юэ заставил себя не отдергивать руку. Дело было не в том, что ему не нравилось — ему было просто неловко.

Слишком быстро всё происходит. Разве они не должны были для начала просто подержаться за ручки?

Температура человеческого тела выше, чем у тритона. Сы Юэ никогда не занимался тяжелым трудом или домашними делами, у него не было изнурительных хобби. На его пальцах не было ни единого изъяна, они казались выточенными из теплого, безупречного нефрита.

— Мне нужно пойти переговорить кое о чем с Чэн Е и остальными. Пойдешь со мной? — Бай Цзянь повернул голову и поймал бегающий взгляд Сы Юэ.

Сы Юэ застигли врасплох. Его лицо вспыхнуло с новой силой:

— Нет, я лучше с Бай Лу побуду.

— Хорошо. — Бай Цзянь не хотел спугнуть его. — На корабле много тритонов, и не все знают тебя в лицо. Пусть Бай Лу будет рядом. Не гуляй один, договорились?

Сы Юэ кивнул:

— Понял.

Он молился, чтобы Бай Цзянь поскорее ушел. Ему нужно было время, чтобы всё переварить.

И Бай Цзянь это прекрасно понимал.

В его глазах читалась улыбка. Сы Юэ казался колючим и неприступным, да и репутация в кругах золотой молодежи Цинбэя у него была так себе: мол, отщепенец с дурным характером, строит из себя невесть что и вечно лезет не в свое дело.

Но Бай Цзянь считал его идеальным во всем: добрым, искренним, прямым. Цинбэйская тусовка была далека от идеала, и местные мажоры развлекались как хотели, но Сы Юэ всегда твердо придерживался своих принципов.

Поэтому его А-Юэ был уникальным. Единственным и неповторимым.

Правда, Бай Цзянь никак не ожидал, что Сы Юэ, который так мастерски матерится, окажется таким податливым в поцелуях. Как котенок, который машет лапками, но совершенно не умеет выпускать когти.

Сы Юэ проводил Бай Цзяня до двери.

К тому моменту он уже успел взять себя в руки и с самым серьезным видом попрощался с ним.

— Подожди-ка, — Сы Юэ облизал всё еще зудящие губы и, дождавшись, пока Бай Цзянь повернется, сухо спросил: — Мы теперь... типа встречаемся?

Бай Цзянь держал в руках куртку — вечером на палубе наверняка похолодает.

Он видел Сы Юэ насквозь, все его мысли были как на ладони. Поэтому, как бы тот ни старался казаться невозмутимым, Бай Цзянь прекрасно видел, насколько он напряжен.

— Да, мы встречаемся.

Увидев, как на лице Сы Юэ медленно расплывается улыбка, Бай Цзянь протянул руку и взъерошил ему волосы:

— И раз так, А-Юэ, не мог бы ты поцеловать своего парня?

Сы Юэ моргнул, его щеки снова обдало жаром.

Проигнорировав бешено колотящееся сердце, он приподнялся на носочки и чмокнул Бай Цзяня в подбородок.

Затем отступил на шаг и прочистил горло:

— Так пойдет?

<http://bllate.org/book/14657/1301522>